

УДК 81'42

**ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВАЯ РЕТРОСПЕКТИВА  
УСТАРЕВШИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ  
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА А. Н. ТОЛСТОГО «ПЁТР I»)**

© Анна Гиголаева

**AXIOLOGICAL-SEMANTIC RETROSPECTIVE OF OBSOLETE LEXICAL  
BORROWINGS (BASED ON THE NOVEL “PETER I” BY A. N. TOLSTOY)**

**Anna Gigolaeva**

The article explores semantic discursive transformations of obsolete loanwords in fictional-historical discourse. As a scientific hypothesis of the research, we assume that there exist interactions between two factors: external (cognitive communicative demands) and internal (laws of self-management of lexical-semantic subsystem of the language). The analysis of the semantic dynamics of obsolete vocabulary is based on the methodological doctrine of modern linguistic cognitology, according to which cognitive discursive practice is the main driver of the axiological development of the language lexical-semantic subsystem. The cognitive functional approach to the text analysis of the historical novel allows us to determine several factors, causing the semantic dynamics of loanwords, which become obsolete. One of these factors is an interaction between the semantics of obsolete borrowed lexical units and native lexicon under conditions of specific historic cultural context and varying discursive situation. The second factor of diachronic changes in loanword semantics is the interaction of explicit (denotative) and implicit (associative semantic) semes. The third factor, which actualizes the diachronic processes in loanword semantics, is the development of denotative features reflected in the significate of the lexical meaning. Such development initiates contensional variations of the semantic structure of the foreign lexical unit and involves its intensional meaning, i.e. a constant nucleus of the lexical meaning. Contension and intension of the loanword meaning vary according to discursive cognitive changes in the linguistic consciousness of the modern recipient. The fourth factor, causing the borrowed lexicon to become obsolete, is information, which is extracted from all the elements of the discursive activity.

*Keywords:* obsolete loanwords, predicate concept, semantic element of discourse, connotation, communicative event.

В статье рассматривается проблема семантико-дискурсивной трансформации устаревшей заимствованной лексики в художественно-историческом дискурсе. Научной гипотезой исследования служит предположение о взаимовлиянии двух факторов: внешнего (когнитивно-коммуникативных потребностей) и внутреннего (закономерностей самоорганизации лексико-семантической подсистемы языка). Исследование семантической динамики устаревшей лексики базируется на методологической доктрине современной лингвокогнитологии, согласно которой познавательно-дискурсивная практика является основным стимулом ценностно-смыслового развития лексико-семантической подсистемы языка. Когнитивно-функциональный подход, применяемый к исследованию текста исторического романа, позволяет выделить ряд факторов, обуславливающих семантическую динамику устаревающих заимствований. Одним из них является взаимодействие семантики устаревших заимствованных лексем и исконной лексики друг с другом в условиях конкретного историко-культурного контекста и изменяющейся дискурсивной ситуации. Вторым фактором диахронического изменения семантики заимствованного слова служит взаимодействие эксплицитных (денотативных) и имплицитных (ассоциативно-смысловых) сем. Третьим фактором, актуализирующим диахронические процессы в семантике заимствованного слова, служит модификация отраженных в сигнификате лексического значения денотативных признаков, инициирующая контенциональное варьирование смысловой структуры иноязычной лексемы, затрагивающее её интенционал – стабильное ядро лексического значения. Контенционал и экстенционал значения заимствованного слова варьируются под влиянием дискурсивно-когнитивных изменений в языковом сознании воспринимающего его современного реципиента. Четвертым стимулом к устареванию заимствованной лексики служит извлекаемая из всех составляющих дискурсивную деятельность информация.

*Ключевые слова:* устаревшая заимствованная лексика, предикатный концепт, смысловой элемент дискурса, коннотация, коммуникативное событие.

**Введение.** Под устаревшей заимствованной лексикой нами понимаются слова, которые на определенном этапе межкультурной коммуникации перешли из одного языка в другой, а затем по разным причинам устарели и частично или полностью вышли из употребления. Научной гипотезой исследования служит предположение о взаимовлиянии двух факторов: внешнего и внутреннего. Внешним стимулом к смысловым преобразованиям семантической структуры заимствованных слов служит когнитивное освоение (вширь и вглубь) картины мира (проникновение в сущность референта и в смежное с ним пространство). Потребность во вторичной номинации практически бесконечна, «как бесконечен познаваемый человеком мир во всем многообразии уже открытых и открываемых вновь в процессе деятельности людей свойств и связей» [Выготский, с. 47]. Внутренним фактором, оказывающим влияние на диахроническую судьбу «чужого» слова, является горизонтальная и вертикальная реорганизация языковой картины мира, так или иначе влияющая на системную параметризацию языка-реципиента. В силу этого языковое сознание, проецируя заимствованное слово на денотат, по-новому постигаемый разумом, порождает у него новые синтагматико-парадигматические связи. Это объясняется тем, что потеря исконных ассоциативно-смысловых связей, существовавших в языке-доноре, влечет за собой потерю присущей заимствованному слову в языке-источнике мотивированности. Исследование семантической динамики устаревшей лексики в тексте романа А. Толстого «Петр I» базируется на методологической доктрине современной лингвокогнитологии, согласно которой познавательно-дискурсивная практика является основным стимулом ценностно-смыслового развития лексико-семантической подсистемы языка.

**1. Причины лексико-семантических изменений заимствованных слов.** К началу XXI века накоплен немалый опыт классификации причин лексико-семантических изменений. Одной из наиболее аргументированных представляется классификация, предложенная В. В. Левицким. Она, на наш взгляд, является наиболее обобщенной, включающей многолетние наработки ученых-семасиологов [Левицкий, с. 312]. Автор выделяет внелингвистические и собственно лингвистические факторы.

Внелингвистические, первичные, причины обусловлены когнитивно-коммуникативными

потребностями в широком смысле, то есть стремлением говорящих сообщать и выражать свои мысли и чувства в соответствии с существующим (на данном этапе развития общественного сознания) форматом концептуализации знаний о реалиях объективного мира. Таковыми оказываются когнитивные и эмотивные факторы.

Когнитивные факторы представляют собой результаты познавательной деятельности автора художественного текста. Эти факторы представляются нам крайне важными, поскольку ими вызваны семантические изменения, связанные с модификациями ракурса мировосприятия и миропонимания, в результате которого в сознании коммуникантов преобразуются соответствующие фрагменты картины мира. Данный фактор является, пожалуй, самым мощным стимулом к динамическому изменению устаревших заимствованных лексем в тексте анализируемого исторического романа. Так, изменения рассматриваемых ниже лексем связаны с изменениями в развитии общества.

Эмотивные факторы смысловых изменений, происходящих в семантической структуре заимствованных слов, обусловлены сопровождающими процесс концептуализации оценочными эмоциями. В тексте исторического романа эмотивные факторы приводят к семантико-стилистическим модификациям устаревших заимствований.

Внутрилингвистические, синергетические, факторы (закономерности самоорганизации лексико-семантической подсистемы языка) можно подразделить на (а) синтагматические и (б) парадигматические. Главным продуктом их воздействия является появление у лексических заимствований многозначности.

Стоит, правда, заметить: деление причин семантических изменений устаревшей лексики на внешние и внутренние весьма условно, поскольку вторые являются закономерным продолжением первых – результатом интериоризации (франц. *interiorisation* – ‘переход извне внутрь’, от лат. *interior* – ‘внутренний’) внешних продуктов отражения действительности во внутренние. Под лингвокогнитивной интериоризацией мы понимаем процесс преобразования феноменов внеязыковой предметной деятельности в единицы языкового сознания. Целью такой интериоризации является переработка полученной «извне» неязыковой знаковой информации для её хранения «внутри» психики в виде смысловых структур, существующих в «образной форме», и их

объективирования языковыми знаками для осуществления коммуникации и многогранной психической деятельности.

Для понимания лингвокогнитивной сущности интериоризации важно, как нам видится, понять, как сопряжены в ней психическое и языковое. Для их взаимодействия имеются речемыслительные основания. Они проявляются в лингвогенезе. Психика работает на языковую семантику, а язык – на объективирование продуктов психической деятельности (образов, ощущений, восприятий, эмоций и т. п.). Дело в том, что психика «являет себя» в образах, предметно-чувственных «копиях» объектов окружающей действительности, в которых, так или иначе, отражаются свойства и признаки соответствующих реалий. Однако они, будучи идеальными сущностями внутри одного человека, остаются социально пустыми, недоступными другим людям до тех пор, пока не получают лингво семиотическую репрезентацию, необходимую для осуществления коммуникации, поскольку, как убеждают психолингвисты, «психические процессы <...> формируются у человека только при участии речи и опосредованы ею» [Боровик, с. 178]. Языковая деятельность, сама являясь важнейшей психической функцией, организует и связывает все другие психические процессы. Более того, она приводит к перестройке всех качественных характеристик мышления, памяти и других психических функций. По данным Л. С. Выготского, благодаря оязыковлению продуктов образного отражения мира «...вместе со словом в сознание человека вносится новый *modus operandi*, новый способ действия» [Выготский, с. 371]. Так, включаясь в процесс познания, вербализация когнитивных структур делает осмысление познаваемого более обобщенным и дифференцированным. Вербализация наглядно-чувственных представлений состоит не просто в их номинировании, но и в их интерпретации, аналитико-синтетическом структурировании минимальных смысловых элементов – сем, креативная конфигурация которых уточняет и обогащает семантику устаревшего заимствованного слова.

В когнитивистике процесс интериоризации нередко называют семантически расплывчатой фразой – «присвоением жизненного опыта». На наш взгляд, это весьма глубокое философское суждение можно конкретизировать с помощью «инструментария» когнитивной семантики. Как показывает анализ семантической динамики лексических заимствований, такого рода «присвоение» осуществляется посредством видоизменения смысловой структуры заимствованного слова через эмоционально-интеллектуальное освое-

ние внешней предметно-социальной деятельности. Само такое видоизменение имеет трехступенчатую историю. Начинается оно с (а) интерпретации вновь открывшихся сознанию свойств и признаков номинируемых реалий и (б) отображения их в языковом сознании коммуникантов, что приводит (в) к их лингво семиотическому преобразованию, то есть обретению ими статуса сем (конструктивных элементов значения) в семантической структуре соответствующего устаревшего заимствованного слова.

Единицы лексического уровня (лексемы) служат не только средством общения, но одновременно и инструментом речемышления, в процессе которого лексемы, репрезентирующие в языковом сознании мыслительные структуры (в первую очередь наивные понятия – концепты), объективируются в речи текстопорождающими словоформами. В свою очередь, словоформы служат основным средством порождения и восприятия текста, потому что «живут» в нём по правилам языка и используются в качестве фиксации в языковом сознании тех трансформаций, которым подвергаются смысловые структуры представляемых в речи лексем. Убедиться в этом можно, анализируя ставшее архаизмом устаревшее заимствованное слово (далее – УЗС) *парсун* (искажение лат. *persōna* ‘маска, личина; личность’) – условное наименование произведений русской, белорусской и украинской портретной живописи кон. XVI–XVII вв., сочетающих приемы иконописи с реалистической образной трактовкой [Большой энциклопедический словарь]. В русском языке впервые появилось в 1633 г.

В тексте романа А. Н. Толстого «Петр I» актуализируется сема «портретная живопись», которая конкретизируется семой «портрет», контекстуально наводимой уточняющим оборотом: *или – по-новому – портреты*. Ср.: *На стенах, обитых золоченой кожей, висели парсуны, или – по-новому – портреты, князей Голицыных <...>* [Толстой, с. 65]. Тем самым во фрагменте, описывающем покои князя Василия Васильевича Голицына, делается акцент на значимости его рода: стиль представленных образцов портретной живописи сочетал реальные образы с приёмами иконописи.

Перефразируя выражение Н. И. Жинкина «язык создается в речи и постоянно в ней воспроизводится» [Жинкин, с. 3], можно говорить о том, что словарный состав языка можно рассматривать как продукт его креативного функционирования и индивидуально-авторской репродукции в речи (тексте). Это объясняется тем, что в художественном тексте слово как билатеральный знак психической природы не просто

варьируется – под воздействием нестандартных актантов лексема нередко подвергается системным преобразованиям. Причем для решения проблем функционально-диахронической семиологии под актантом мы предлагаем понимать не просто позицию для заполнения валентности предикатного слова, которым Л. Теньер обозначал активного участника речевой ситуации [Теньер, с. 127], а смысловой элемент дискурса, проецируемый предикатным концептом, вокруг которого, собственно, и разворачивается коммуникативное событие. Для адекватного понимания дискурсивного актанта важно сосредоточиться на выделенных понятиях.

Под смысловым элементом дискурса понимается лингвокогнитивный маркер художественного нарратива, который представляет собой сочетание смыслового содержания акцентированных в текстах лексических единиц и дискурсивной информации, требующей интерпретации с опорой на осмысление коммуникативного события. Таким маркером нарратива, фокусирующим внутреннее содержание образа брата царицы Натальи Кирилловны – Ивана Кирилловича Нарышкина, служит концепт, репрезентируемый лексемой *сатана*. Ср.: *По палате из двери в дверь пробежал на цыпочках тот, кого стрельцы и бояре ненавидели хуже сатаны, – красавец и щеголь, двадцатичетырехлетний и уже боярин, брат царицы, Иван Кириллович Нарышкин, – говорили, что будто бы уже примерял на голову царский венец* [Толстой, с. 44]. Боярин Нарышкин на самом деле был предметом зависти многих людей, предметом их лютой ненависти, его «ненавидели хуже сатаны». Рассмотрим лексему *сатана*, враждебное восприятие которого сравнимо с ненавистью к Ивану Кирилловичу. Сатана – главный противник небесных сил, олицетворяющий зло, толкающий человека на путь духовной гибели.

Смысловым элементом данного дискурса лексема *сатана* становится вполне закономерно. Ведь тысячелетняя история России творилась людьми христианской веры. Россия как государство слагалась, крепла и развертывала свою духовную культуру именно в христианском православии, в котором Сатана – воплощение зла. Поэтому коннотация значения слова *сатана* вполне объяснима. Лексема *сатана* происходит от древнееврейского слова, означающего «противостояние» [Энциклопедия мифологии]. В ранних книгах Ветхого Завета, записанных еще до вавилонского пленения (то есть до VI века до н. э.), слово *satan* употребляется в значении «противник». В анализируемом фрагменте дискурса Нарышкин выступает противником многих бояр. За содей-

ствие в расправе со стрельцкими полковниками царём Петром Алексеевичем Нарышкин был пожалован боярином и оружничим (*оружничий* ведал царской оружейной казной в чине боярина; в XVII веке был главой Оружейного приказа, отвечавшим за изготовление, хранение и закупку оружия). Это возбудило зависть и недовольство среди бояр. Соответствующие коннотации смыслового континуума исторического дискурса проецируются особым типом концепта – предикатным.

Предикатный концепт – это концепт, образующий фрейм-пропозицию, ядром которого он является. Под предикатным концептом мы понимаем смысловое ядро предикатной группы, входящей в метафорическую когезию (связность) предиката с зависимыми и объясняющими предметами мысли. В предложении-высказывании предикатная группа реализуется рематическим глагольным сочетанием. Поскольку предикат – это речемыслительный знак, содержащий метафорическую неопределенность, он требует от программы текстопорождения открытия такой позиции, лексическое замещение которой смогло бы эту неопределенность устранить.

Предикатным концептом дискурсивного смысла в рассматриваемом контексте служит «царский венец». Фраза *примерял на голову царский венец* указывает на неуёмную амбициозность Нарышкина, помышлявшего о престоле. Лексема *венец* в тексте произведения употребляется в значении «головной убор, род металлического венка или короны, возлагавшийся на кого-нибудь в знак присвоения ему высокого звания или в знак почетной награды за заслуги» [Толковый словарь Ушакова]. Поэтому за фразой *примерял на голову царский венец* скрывается тайное желание Ивана Кирилловича получить звание более высокое, чем то, которым он уже обладал, – царское. Предикатный концепт выражается глагольным словосочетанием *примерять царский венец* – надевать, прикладывать или накладывать символ власти с целью выяснения соответствия ему. Иными словами, Иван Кириллович пытался обладать царской властью, но, как известно, ему это так и не удалось. Вокруг подобного предикатного концепта в тексте исторического романа обычно разворачивается масштабное коммуникативное событие.

Коммуникативное событие в историческом дискурсе – это отдельный фрагмент речемыслительного акта, обладающий тематической целостностью, смысловой завершённостью и общей смысловой архитектурой. Для каждого такого события характерен определённый состав участников, совершающих дискурсивные

действия. Этим качествам отвечает фрагмент появления Нарышкина перед началом стрелецкого бунта. Стрельцы стали грозить, что если Иван Кириллович не будет им выдан, то они перебьют всех бояр. У царицы Наталии Кирилловны на этот момент не было опоры и защиты. Растерявшиеся бояре рассматривали выдачу Ивана Кирилловича стрельцам как способ сохранить собственные жизни. Пришлось покориться. Иван Кириллович был отведен в церковь Спаса за Золотой решеткой. Там он исповедовался и мужественно приготовился к мученической кончине. Когда он вышел из церкви, стрельцы накинулись на него с криками и бранью и повели пытаться в Константиновский застенок как государственного изменника, посягнувшего на жизнь Иоанна Алексеевича. Нарышкин вынес все пытки, не проронив ни слова. Его вытащили из застенка на Красную площадь и изрубили на куски.

Особый интерес представляет когнитивная сторона анализируемого коммуникативного события. Метафорическая предикатная группа (предикат *примерять* и когнитивная метафора *царский венец*) в сочетании с концептом *сатана* служат основным источником формирования языковой картины мира художественного произведения. Эти концепты служат ценностно-смысловыми элементами художественного описания петровской эпохи.

Отметим, что текст исторического романа порождается с помощью репрезентации лексем по законам соответствующего языка, которые парадигмально кодируются и синтагматически выражаются в виде дискурсивно обусловленных коннотаций.

**2. Синтагматико-парадигматические стимулы видоизменения коннотативной ауры заимствованного слова.** *Парадигматические отношения* устаревшего слова обогащаются или трансформируются провоцируемыми дискурсом полисемическими, синонимическими и антонимическими отношениями. Проанализируем историзм *кабалá*, заимствованный из тур. *kabal* 'определенное количество, заданная работа, работа одного дня' [Этимологический словарь Фасмера]. В конце XVII в. – начале XVIII в., в исторический период, описываемый А. Н. Толстым, данное слово реализовывало следующее значение «в древнерусском праве – акт, договор, расписка, устанавливающие какую-нибудь зависимость одного лица по отношению к другому» [Толковый словарь Ушакова]: *Все прежде бывшие крепостные кабалы разрушить, чтобы впредь весь народ ни у кого ни в какой кабале не состоял, разве – небольшое число дворовых холопей...* [Толстой, с. 66].

В результате актуализации семы «зависимость одного лица по отношению к другому» в современном русском языке произошло расширение лексического значения слова. Лексема приобрела переносное, метафорическое значение «крайне тяжелая зависимость, граничащая с рабством». В тексте романа данное слово в переносном значении не встречается, поскольку приобрело его уже в послепетровский период. За счет этой метафоры произошло полисемическое обогащение слова.

Парадигматические связи устаревших заимствованных слов видоизменяются под влиянием синтагматических, которые преобразуются за счет *включения нетривиальных актантов* (активных, значимых участников денотативной ситуации; построения речевой конструкции, заполняющей семантическую или синтаксическую валентность предиката). Немаловажную роль при этом играют (а) расширение стилистического диапазона лексемы с помощью выхода за рамки устоявшейся комбинаторики словоформ, а также (б) повторение и трансформирование такого рода приёмов в других дискурсах.

**Заключение.** Когнитивно-функциональный подход, применяемый к исследованию текста исторического романа, позволяет выделить ряд факторов, обуславливающих семантическую динамику устаревающих заимствований. Одним из них является взаимодействие семантики устаревших заимствованных лексем и исконной лексики друг с другом в условиях конкретного историко-культурного контекста и изменяющейся дискурсивной ситуации. Вторым фактором диахронического изменения семантики заимствованного слова служит взаимодействие эксплицитных (денотативных) и имплицитных (ассоциативно-смысловых) сем. Третьим фактором, актуализирующим диахронические процессы в семантике заимствованного слова, обуславливающие его качественные семантические преобразования, служит конвенциональное варьирование его смысловой структуры, затрагивающее её интенционал (стабильное ядро лексического значения). Именно в результате такого варьирования происходит так называемый семантический сдвиг, порождающий (а) переосмысление заимствованной лексемы, (б) её семантическое преобразование, (в) метафорические и метонимические переносы и даже (г) семантическую деривацию. Четвертым стимулом к устареванию заимствованной лексики служит извлекаемая из всех составляющих дискурсивную деятельность информация. Механизмом её кодирования служит взаимодействие узуальных языковых значений и окказиональных дискурсивных смыслов, кото-

рые, собственно, и порождают дополнительные семы, получающие «постоянную прописку» в семантической структуре заимствованного слова и видоизменяющие его смысловую ретроспективу.

Список литературы

Большой энциклопедический словарь, 2015. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/228186> (дата обращения: 05.05.2018).

Боровик С. Г. Алексей Толстой. М.: Наука, 1984. 192 с.

Выготский Л. С. Развитие высших психических функций. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1960. 598 с.

Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982. 159 с.

Левицкий В. В. Семасиология. Винница: Новая книга, 2006. 512 с.

Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988. 656 с.

Толковый словарь Ушакова, 1935-1940, URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/> (дата обращения: 05.05.2018).

Толстой А. Н. Петр Первый. СПб: Азбука, 2016. 704 с.

Энциклопедия мифологии, 2000. URL: [https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc\\_myphology/3775/CATANA](https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_myphology/3775/CATANA) (дата обращения: 05.05.2018).

Этимологический словарь М. Фасмера, 1964-1973, URL: <http://enc-dic.com/fasmer/Kabala-5054/> (дата обращения: 05.05.2018).

References

*Bolshoi entsiklopedicheski slovar* (2015) [Large Encyclopedic Dictionary]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/228186> (accessed: 05.05.2018). (In Russian)

Borovik, S. G. (1984). *Aleksei Tolstoi* [Alexey Tolstoy]. 192 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

*Entsiklopediia mifologii* (2000) [Encyclopedia of Mythology]. URL: [https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc\\_myphology/3775/CATANA](https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_myphology/3775/CATANA) (accessed: 05.05.2018). (In Russian)

*Etimologicheskii slovar M. Fasmera* (1964–1973). [Fasmer's Etymological Dictionary]. URL: <http://enc-dic.com/fasmer/Kabala-5054/> (accessed: 05.05.2018). (In Russian)

Vygotskii, L. S. (1960). *Razvitie vysshikh psikhicheskikh funktsii* [Development of Higher Mental Functions]. 598 p. Moscow, APN RSFSR. (In Russian)

Levitskii, V. V. (2006). *Semasiologiia* [Semasiology]. 512 p. Vinnitsa, Novaia kniga. (In Russian)

Tener, L. (1988). *Osnovy strukturnogo sintaksisa*. [Fundamentals of Structural Syntax]. 656 p. Moscow, Progress. (In French)

*Tolkovyi slovar Ushakova* (1935–1940) [Ushakov's Explanatory Dictionary]. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/> (accessed: 05.05.2018). (In Russian)

Tolstoi, A. N. (2016). *Petr Pervyi* [Peter the Great]. 704 p. St. Petersburg, Azbuka. (In Russian)

Zhinkin, N. I. (1982). *Rech kak provodnik informatsii* [Speech as Information Conductor]. 159 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

The article was submitted on 04.05.2018  
Поступила в редакцию 04.05.2018

**Гиголаева Анна Темуриевна**,  
аспирант,  
Белгородский государственный  
национальный исследовательский  
университет,  
308007, Россия, Белгород,  
Студенческая, 14.  
[an.gigolaeva@yandex.ru](mailto:an.gigolaeva@yandex.ru)

**Gigolaeva Anna Temurievna**,  
graduate student,  
Belgorod State National Research University,

14 Studencheskaya Str.,  
Belgorod, 308007, Russian Federation.  
[an.gigolaeva@yandex.ru](mailto:an.gigolaeva@yandex.ru)